

Елена Меркулова

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Статья посвящена исследованию пространственного неравенства качества жизни в условиях депопуляции на примере Тамбовской области. Исследование рассматривает, какие факторы формируют различия между муниципалитетами и как региональная социальная политика может учитывать эти различия. Теоретическая рамка опирается на концепции территориальной справедливости и *welfare regionalism*, а также на подходы, связывающие устойчивость территорий с демографической динамикой. Эмпирическую основу составляют данные социологического опроса населения всех муниципальных образований Тамбовской области (N=2657) и статистика Росстата. Для анализа пространственных различий использованы методы многомерной статистики: факторный и кластерный анализ. На их основе выделены четыре типа территорий: благополучные, стабильно-устойчивые, умеренно-сбалансированные и депрессивные. Результаты показывают, что плотность расселения населения связана прежде всего с доступностью базовых социальных ресурсов. Она положительно коррелирует с развитием системы здравоохранения ($\beta = 0,681$) и инфраструктуры ($\beta = 0,261$), но отрицательно — с демографической нагрузкой ($\beta = -0,399$) и субъективными оценками качества среды ($\beta = -0,271$). Последний результат указывает на парадокс: в ряде сельских территорий сравнительно высокая удовлетворенность условиями жизни сочетается с объективной депривацией. Такое расхождение формирует феномен «ложной резильентности», при котором позитивные оценки жителей скрывают накопление структурных проблем. Анализ институциональной среды показывает, что пространственные различия поддерживаются существующими механизмами распределения ресурсов. Среди них — различия в объемах бюджетных субсидий, дефицит квалифицированных кадров и слабая координация между уровнями власти. В статье обсуждается возможность перехода

Елена Юрьевна Меркулова — д.эконом.н., профессор, директор центра пространственного развития территорий и качества жизни населения, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия. Электронная почта: merkatmb@mail.ru

к территориально-дифференцированной модели региональной социальной политики. Она предполагает развитие сети опорных населенных пунктов, использование мобильных форм социальных услуг и корректировку принципов финансирования социальной инфраструктуры. Такой подход позволяет учитывать различия между типами территорий и повышать устойчивость региона в условиях депопуляции.

Ключевые слова: пространственное неравенство, качество жизни, депопуляция, региональная социальная политика, территориальная справедливость

Цитирование: Меркулова Е. Ю. (2026) Пространственное неравенство качества жизни и региональная социальная политика. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 45–66.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-45-66

Депопуляция и пространственное неравенство качества жизни становятся серьезным вызовом для социальной политики в России. Особенно отчетливо эти процессы проявляются в регионах с устойчивым сокращением населения, к которым относится Тамбовская область. Снижение численности населения здесь сопровождается растущими различиями в доступе к социальным услугам и снижением эффективности государственных расходов. В этих условиях универсалистские подходы, основанные на формально равном распределении ресурсов, оказываются малоэффективными и могут даже усилить территориальное неравенство.

Российские исследования показывают, что демографическое сокращение тесно связано с процессами социального «опустынивания» периферийных территорий: деградацией инфраструктуры, утратой человеческого капитала и усилением миграционного оттока (Вишневецкий и др. 2003; Земсков 2024). Это смещает исследовательский фокус от идеи выравнивания к поиску инструментов, учитывающих различия между территориями. В современной научной дискуссии эти процессы чаще всего рассматриваются через призму концепции территориальной справедливости (Широв 2025; Басова 2022) и *place-based* подходов (Дружинин, Кузнецова 2024; Крюков, Селиверстов 2022). Концепция территориальной справедливости задает нормативную рамку, в которой распределение публичных ресурсов должно учитывать реальные потребности территорий, а не следовать логике административного удобства или инерции финансирования (Davies 1968; Harvey 1973). *Place-based* подходы развивают эту логику, предлагая рассматривать территорию как неоднородную систему, требующую дифференцированных управленческих решений (Varca et al. 2012; Гомцян, Шалин 2024). В отличие от *place-neutral* модели, предполагающей, что экономическое развитие со временем «подтянет» отстающие территории, здесь акцент делается на адресных мерах, учитывающих институциональные, социальные и инфраструктурные ограничения конкретных мест.

Институциональное измерение этих процессов позволяет рассмотреть концепция *welfare regionalism*, фокусирующаяся на распределении полномочий в социальной политике между уровнями управления (Ferrera 2005; Keating 2021). Она показывает, что децентрализация может как создавать возможности для более гибкой политики, так и усиливать различия между территориями. В российских условиях это проявляется в ограниченной финансовой автономии муниципалитетов, жестком подушевом принципе финансирования социальных услуг и конкуренции за ограниченные ресурсы.

Данные по Тамбовской области позволяют увидеть, как эти механизмы работают на практике. Муниципалитеты с высокой долей сельского населения, как правило, получают меньше ресурсов в расчете на одного жителя, чем городские округа. Более половины жителей региона отмечают, что их доходов хватает лишь на питание и оплату коммунальных услуг, а значительная часть молодежи в возрасте 25–30 лет откладывает рождение детей из-за отсутствия собственного жилья и устойчивых перспектив занятости. В результате формируется замкнутый круг: сокращение населения снижает налоговую базу муниципалитетов и ограничивает инвестиции в человеческий капитал, что усиливает миграционный отток и закрепляет различия между территориями (Черемисина, Черемисина 2020; Алтухов 2024).

В этой логике социальная устойчивость и демографической резильентность¹ рассматриваются не как исходное условие, а как результат социальной политики, способной учитывать различия между территориями (Lutz et al. 2018; Сеница 2022; Шабунова, Ростовская 2022). Однако российская практика, включая Тамбовскую обл., показывает, что стандартные меры поддержки на периферии работают слабо: инвестиции в социальную сферу не приводят к выравниванию условий жизни и нередко усиливают пространственные различия. В этой связи в статье анализируется, какие институциональные механизмы способствуют воспроизводству пространственного неравенства качества жизни и какие инструменты региональной социальной политики позволяют учитывать различия между типами территорий. Анализ строится на данных социологического опроса и многомерной статистики и включает оценку пространственных различий качества жизни, анализ доступности социальных услуг и сопоставление институциональных решений с их восприятием населением. На этой основе предлагается типология муниципальных образований и обсуждаются возможности применения *place-based* инструментов социальной политики.

Полученные результаты позволяют рассматривать депопуляцию и пространственное неравенство не как фон, а как управляемый процесс. Это требует перехода к территориально дифференцированной социальной политике,

¹ Под резильентностью понимается способность территориальных и демографических систем адаптироваться к структурным изменениям за счет накопления человеческого капитала и развития гибких институциональных механизмов

включающей развитие сети опорных населенных пунктов и мобильных форм социальных услуг. Такой подход не устраняет различия между территориями, но позволяет снижать неравенство в доступе к базовым ресурсам и поддерживать устойчивость региона в условиях депопуляции.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составляют данные официальной статистики Росстата и результаты авторского социологического исследования, охватывающего все 30 муниципальных округов Тамбовской обл. Совмещение объективных социально-экономических показателей с субъективными оценками качества жизни позволяет учитывать локальный контекст и соответствует логике *place-based* анализа. Выбор муниципального уровня обусловлен тем, что именно на этом масштабе наиболее отчетливо проявляются пространственные демографические изменения, связанные с различиями в качестве жизни и реализацией социальной политики.

Опросные данные были собраны в октябре 2024 г. методом онлайн-опроса жителей Тамбовской обл. Выборка формировалась по принципу доступности с использованием интернет-панели и распространения ссылок на электронную анкету в социальных сетях. Для обеспечения охвата всех муниципальных образований региона при рекрутинге учитывалась квотная структура трудоспособного населения (N=534 тыс. чел.). Участие в исследовании было добровольным и анонимным, информированное согласие запрашивалось в начале анкеты. Выборка характеризуется выраженным гендерным дисбалансом: доля женщин составила 83,2%, средний возраст респондентов — 35 лет. Почти половина опрошенных (47,6%) состояла в зарегистрированном браке. Значительная часть респондентов не имела детей (35%) либо воспитывала одного (25%) или двух детей (33%). В связи с этим результаты опроса следует интерпретировать как данные разведочного исследования, отражающие оценки наиболее активного населения, активно использующих интернет и социальные сети. Для целей настоящего исследования такая выборка тем не менее информативна, она позволяет зафиксировать субъективные оценки качества жизни в разрезе муниципальных округов и выявить пространственные различия в восприятии социальной среды. Вместе с тем этот метод позволил оперативно собрать данные, снизить затраты исследования и охватить удаленные сельские территории без проведения очных интервью.

Анкета включала 156 вопросов, сгруппированных в тематические блоки: социально-демографические характеристики респондентов, условия проживания, доступность и качество медицинских и образовательных услуг, транспортную инфраструктуру, возможности досуга, удовлетворенность работой и доходами, оценку деятельности органов муниципального управления в сфере социальной политики, а также демографические намерения и репродуктивные установки.

Оценка различных аспектов качества жизни проводилась по пяти-балльной шкале Лайкерта, где один балл означал полную неудовлетворенность, а пять баллов — полную удовлетворенность. На основе полученных ответов были рассчитаны средневзвешенные показатели для каждого муниципального образования. Для повышения качества данных в анкете использовались логические контрольные вопросы и техническое ограничение повторного заполнения с одного устройства. Валидность инструментария проверялась посредством пилотного тестирования анкеты и сопоставления полученных результатов с официальной статистикой по ключевым показателям. Всего в исследовании приняли участие 2657 респондентов. Исследование использует многоуровневую структуру данных с последовательным переходом от индивидуального к муниципальному уровню анализа. Таким образом, индивидуальные ответы используются для расчета агрегированных показателей по муниципалитетам, а аналитической единицей во всех многомерных процедурах (факторный, регрессионный и кластерный анализ) является муниципальный округ. Такой переход от индивидуальных данных к территориальному уровню обусловлен задачей исследования: выявить пространственные различия между муниципалитетами и построить типологию территорий.

Для выявления скрытых факторов и сокращения размерности данных применен факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс (*SPSS Statistica*). Из 65 первичных показателей в анализ включены 40 показателей, отражающих реализацию базовых социальных прав и уровень социальной депривации в муниципальных округах (электронное приложение). В результате выделены четыре латентных фактора, совокупно объясняющие 70,16% дисперсии. Они описывают условия среды для жизни, доступность социально-бытовой и досуговой инфраструктуры, состояние системы здравоохранения и демографические характеристики, а также демографическую нагрузку на социальную систему.

На основе полученных факторных переменных была построена регрессионная модель зависимости плотности расселения населения муниципальных округов от выделенных латентных факторов. Модель объясняет 76,5% дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,765$) и является статистически значимой ($F = 20,296$; $p < 0,001$). Все параметры модели значимы при уровне $\alpha = 0,05$ по *t*-критерию Стьюдента. Проверка мультиколлинеарности не выявила проблем: значения VIF для факторных переменных не превышают 2,0. Анализ выбросов и влиятельных наблюдений также не показал критических отклонений: расстояние Кука для во всех случаях ниже 1,0. Исключение наиболее влиятельных наблюдений (г. Тамбов и г. Мичуринск) не меняет знаков коэффициентов, хотя влияет на их величину. С учетом ограниченного объема выборки результаты регрессионного анализа следует рассматривать как разведочные и требующие проверки на более обширных данных.

Для количественной оценки территориального неравенства и типологизации муниципальных образований был рассчитан интегральный показатель качества жизни населения. На первом этапе применялся кластерный анализ методом Варда на основе выделенных четыре главных компонент (включающих 40 показателей). Оптимальное число кластеров определялось с использованием диагностических критериев — метода локтя (*Elbow Method*), коэффициента силуэта (*Silhouette Score*) и индекса Калински-Харабаса (*Calinski-Harabasz Index*). Все методы указали на оптимальное деление на четыре кластера.

На втором этапе был рассчитан интегральный показатель качества жизни на основе линейного агрегирования нормализованных индикаторов с учетом весовых коэффициентов, определенных факторными нагрузками. Нормализация проводилась относительно эталонных значений. Для индикаторов с обратной зависимостью от качества жизни применялось инвертирование (см. электронное приложение 1).

Результаты исследования

Демографические изменения заметно влияют на пространственное развитие и социальное благополучие регионов. В Тамбовской обл. эти процессы имеют устойчивый характер. С 1959 по 2024 гг. численность населения региона сократилась с 1549 до 951,5 тыс. чел. По прогнозам Росстата в ближайшие 20 лет она может уменьшиться еще на 217 тыс. Наиболее интенсивные демографические потери приходятся на сельские территории и малые поселения. Если в 1959 г. в области насчитывался 4301 населенный пункт, то сегодня их осталось 1600. Это отражает не только сокращение населения, но и постепенную утрату социальной и инфраструктурной сети на периферийных территориях (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения Тамбовской обл. за 1959–2024 гг. и прогноз с 2030 по 2045 гг. (по данным Росстата).

Ускорение депопуляции в регионе во многом связано с изменением половозрастной структуры населения (см. рис. 2). В 2024 г. доля детей в возрасте до 15 лет составила 14%, что на 2% ниже уровня 2000 г. Наиболее заметное сокращение наблюдается в группе населения младше трудоспособного возраста. Особенно сильные потери детского населения фиксируются в сельских, прежде всего периферийных районах, где сокращение достигает от 20 до 40%. На этом фоне областной центр остается фактически единственным демографическим «донором», притягивающим молодые семьи. Численность трудоспособного населения за последние 25 лет сократилась на 21,3%, что в среднем соответствует уменьшению примерно на 6 тыс. чел. ежегодно. Одновременно усиливается процесс старения населения: доля жителей старше трудоспособного возраста в 2024 г. достигла 29%. Однако это выше среднероссийского уровня на 6%.

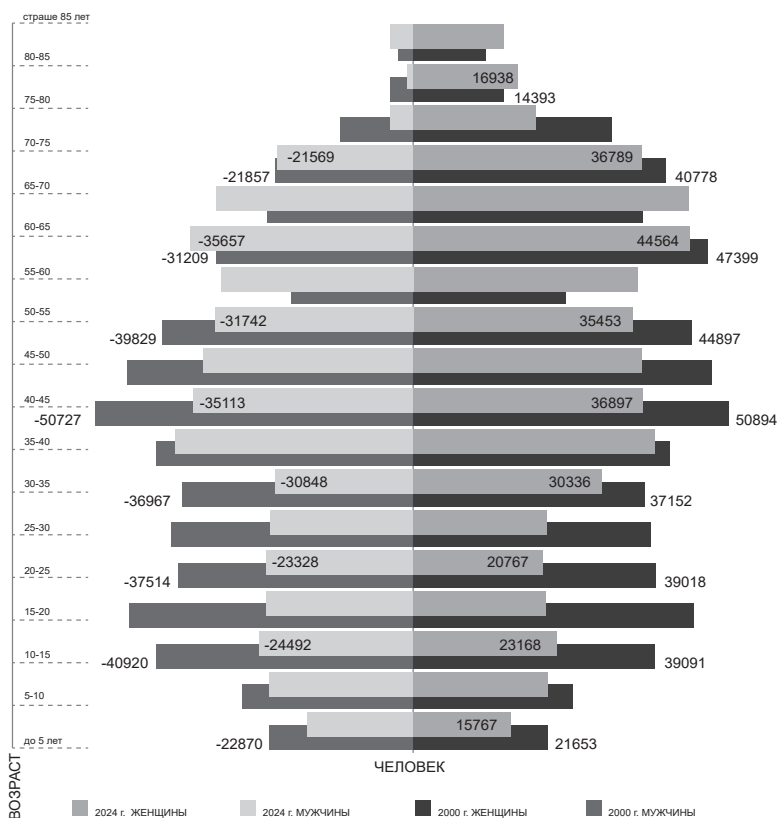

Рис. 2. Возрастная пирамида населения Тамбовской обл. за 2000 и 2024 гг. (по данным Росстата)

Текущие показатели рождаемости не обеспечивают даже простого воспроизводства населения. За последние двадцать лет суммарный коэффициент рождаемости колебался в пределах 1,15–1,22 ребенка на женщину, лишь в 2015 г. достигнув максимального значения 1,7. Снижение рождаемости в период с 2000 по 2024 гг. во многом связано с изменением возрастного профиля фертильности: доля рождений у женщин в возрасте 15–24 лет сократилась почти вдвое, тогда как рост числа рождений в старших возрастных группах не компенсирует общий спад.

Данные социологического опроса подтверждают структурный характер этих тенденций. Половина респондентов в возрасте 25–30 лет и 20% опрошенных в возрасте 30–35 лет не имеют детей. Среди них лишь 26,5% планируют рождение ребенка, тогда как 4,8% прямо заявляют об отсутствии таких планов. Причины откладывания или отказа от рождения детей носят прежде всего социально-экономический характер. Респонденты чаще всего называют низкий уровень доходов (15,2%), необходимость карьерного роста (8,1%) и отсутствие собственного жилья (7,8%). Оценка мер демографической политики также показывает ограниченную эффективность универсальных стимулов. Лишь 11,8% опрошенных считают выплаты материнского капитала значимым фактором поддержки рождаемости, 35,6% отмечают недостаточность его размера, а 52,6% респондентов не рассматривают эту меру как действенный стимул.

Построенная корреляционно-регрессионная модель позволила выявить четыре фактора, статистически значимо связанных с плотностью расселения населения в муниципальных образованиях Тамбовской области. Наиболее сильное положительное влияние на плотность расселения оказывает фактор объединяющий характеристики сферы здравоохранения и демографических процессов ($\beta = 0,681$). В то же время качество среды для жизни ($\beta = -0,271$) и демографическая нагрузка ($\beta = -0,399$) оказывают отрицательное влияние на плотность расселения. Это указывает на сложный и неоднозначный характер взаимосвязи между пространственными характеристиками расселения и качеством социальной среды. Население концентрируется в муниципальных образованиях с развитой медицинской инфраструктурой и более устойчивой демографической динамикой. Данные показывают значительную дифференциацию в обеспеченности медицинскими кадрами и ресурсами. В Тамбове численность врачей составляет 94,1 на 10 тыс. жителей, а мощность амбулаторно-поликлинических организаций — 482,4 посещения в смену на тыс. чел., а в Кирсановском муниципальном округе эти показатели значительно ниже — 2,2 врача и 79,5 посещения соответственно. Такое распределение медицинских ресурсов формирует агломерационную модель: они концентрируются в областном центре и крупных городах, выступающих центрами притяжения для окружающих территорий.

Доступность медицинских услуг и условий для ведения здорового образа напрямую влияет на демографические процессы, прежде всего

на уровень заболеваемости и смертности. Данные опроса указывают на неоднородное качество медицинской помощи в регионе. За скорой медицинской помощью обращались 17% респондентов, при этом лишь половина из них осталась удовлетворена ее качеством. Основными причинами недовольства стали длительное ожидание, отсутствие необходимого оборудования и лекарств у бригад скорой помощи; 8% опрошенных сообщили об отказе в оказании помощи. Амбулаторной медицинской помощью пользовались 39,4% респондентов, однако удовлетворены ее качеством только 38% из них. В числе ключевых проблем респонденты называют дефицит профильных специалистов и длительное ожидание приема. В результате часть пациентов вынуждена обращаться к платной медицине — на это указали 17% опрошенных. Стационарную медицинскую помощь получали 15% респондентов, из них 46% оценивают ее качество положительно.

Вторым по значимости фактором, положительно связанным с плотностью расселения, выступает доступность социально-бытовой и досуговой инфраструктуры ($\beta = 0,261$). Сравнение муниципальных образований показывает заметную территориальную дифференциацию. Уровень удовлетворенности инфраструктурой в Тамбове составляет 3,7 балла, тогда как в Моршанском округе — 2,46 балла. Различия связаны не только с размером населенных пунктов, но и с их экономической структурой. Аграрные территории характеризуются слабым развитием производственного сектора, что снижает их инфраструктурную привлекательность и возможности повседневного потребления услуг.

Наиболее равномерно по региону распределена торговая инфраструктура: средняя оценка ее доступности составляет 3,9 балла, а различия между муниципальными округами относительно невелики. Значительно сильнее дифференциация проявляется в сфере общественного питания. Средняя оценка по региону составляет 3 балла, однако в сельских округах она заметно ниже, что отражает дефицит соответствующих услуг. Еще более выраженные различия наблюдаются в сфере досуга и спорта. Если в Тамбове удовлетворенность досуговой инфраструктурой достигает 3,5 балла, то в Тамбовском муниципальном округе — лишь 1,8 балла. Аналогичная ситуация характерна и для спортивных объектов: оценки варьируют от 2,2 балла в Бондарском округе до 4,0 в областном центре.

Такая дифференциация во многом связана с эффектом масштаба. Крупные города обладают достаточной численностью населения и ресурсами для поддержания развитой сферы услуг, тогда как малые города и сельские территории не достигают порога экономической устойчивости для многих видов досуговой деятельности. В результате дефицит инфраструктуры становится дополнительным фактором миграционного оттока, особенно среди молодых семей.

Отрицательная связь фактора качества среды для жизни с плотностью расселения ($\beta = -0,271$) является одним из наиболее неожиданных результатов

исследования. Интуитивно можно было бы ожидать, что высокая удовлетворенность условиями проживания способствует удержанию населения, однако эмпирические данные этого не подтверждают. Анализ распределения показателей демонстрирует, что сельские муниципальные округа в среднем получают более высокие субъективные оценки качества среды, чем городские территории, одновременно характеризуясь минимальной плотностью населения. Так, индекс готовности рекомендовать место проживания составляет 2,9 балла в городах и 3,2 балла в сельских округах. Во-первых, это может объясняться эффектом адаптации и сниженными ожиданиями. Жители сельских территорий привыкают к существующим условиям и оценивают их относительно благоприятно, даже при объективно более ограниченных возможностях занятости, инфраструктуры и доходов. Во-вторых, наблюдается эффект отложенной миграции. Молодые жители покидают территорию после окончания образования или создания семьи, тогда как оставшееся население продолжает оценивать условия проживания относительно положительно. В-третьих, важную роль играет «ловушка бедности». Высокие субъективные оценки в депрессивных регионах могут отражать не реальное благополучие, а ограниченные возможности миграции. Показательно, что в Уваровском (2,24), Никифоровском (2,24) и Мучкапском (2,31) округах жители сравнительно высоко оценивают текущие условия жизни, но при этом не связывают будущее своих детей с этими территориями.

Наиболее сильное отрицательное влияние на плотность расселения оказывает фактор демографической и социальной нагрузки ($\beta = -0,399$). Это указывает на ключевую роль старения населения в пространственных демографических процессах. Данные показывают значительную территориальную дифференциацию смертности: общий коэффициент которой варьирует от 12,7% в Тамбовском муниципальном округе до 26,9% в Бондарском округе. Эти различия связаны прежде всего с возрастной структурой населения, доступностью медицинской помощи и социально-экономическими условиями территорий. Высокая смертность в сельских муниципалитетах выступает не только демографическим, но и социально-экономическим индикатором накопления структурных проблем развития. Рост демографической нагрузки усиливает давление на сферу здравоохранения и социальной защиты, сокращает долю экономически активного населения и снижает налоговый потенциал территории. В результате формируется замкнутый цикл: высокая нагрузка ограничивает экономические возможности муниципалитетов, что снижает их привлекательность для молодого населения и усиливает депопуляцию.

Пространственный анализ подтверждает эту закономерность: муниципалитеты с более высокой долей трудоспособного населения характеризуются большей плотностью расселения, тогда как территории с минимальной долей демонстрируют наиболее выраженную депопуляцию. Исключением является г. Уварово, где при относительно низкой доле трудоспособного населения

сохранении сравнительно высокая плотность расселения. Это связано с ролью города как локального центра занятости и инфраструктуры для окружающих сельских территорий. Тем не менее в долгосрочной перспективе сокращение доли трудоспособного населения неизбежно снижает экономический потенциал территории и ее привлекательности для проживания.

Связь между демографической нагрузкой и плотностью расселения может быть объяснена через концепцию демографической резильентности. В ее рамках устойчивость демографических систем определяется не только текущими показателями рождаемости, смертности и миграции, но и способностью территорий адаптироваться к внешним изменениям и сохранять жизнеспособность в долгосрочной перспективе. Муниципальные образования с высокой демографической нагрузкой и повышенной смертностью характеризуются низкой резильентностью: их демографические системы обладают ограниченным потенциалом для противодействия депопуляции.

Комплексный анализ четырех выделенных факторов выявляет выраженную пространственную поляризацию Тамбовской области. Население концентрируется в муниципальных образованиях с развитой медицинской и социально-бытовой инфраструктурой, тогда как территории с высокой демографической нагрузкой и ограниченными экономическими возможностями демонстрируют устойчивую депопуляцию. При этом в ряде сельских муниципалитетов относительно высокие субъективные оценки качества среды сочетаются с низкой плотностью населения. В результате формируется биполярная структура расселения: областной центр и несколько крупных городов выступают центрами притяжения населения, тогда как периферийные сельские территории превращаются в зоны демографического сжатия.

На основе кластерного анализа и расчета интегрального индекса качества жизни выделены четыре типа территорий, различающихся сочетанием демографических, социально-экономических и инфраструктурных характеристик. Эти различия определяют особенности их пространственного развития и требуют дифференцированных подходов к формированию социальной политики (см. рис. 3).

Кластер «благополучных территорий» объединяет города Тамбовской обл. с наиболее развитой инфраструктурой. Здесь фиксируются максимальные значения интегрального индекса качества жизни — 0,93 при среднем значении по региону 0,88. Городские поселения демонстрируют более устойчивую демографическую динамику по сравнению с сельскими территориями. Это связано с более благоприятным соотношением рождаемости и смертности, хотя даже в городах показатели не обеспечивают простого воспроизводства населения. Экономическая база городских территорий формируется за счет сочетания промышленности, сферы услуг и концентрации органов государственного и муниципального управления. Среднемесячная заработная плата здесь выше среднерегионального уровня, что повышает покупательную способность населения. Города также значительно превосходят сельские

территории по обеспеченности врачебными кадрами и объектами социальной инфраструктуры. Средняя оценка удовлетворенности инфраструктурой составляет 3,74 балла, а обеспеченностью спортивными объектами достигает 4,0 балла. Однако субъективная оценка качества жизни ниже — около 3,6 баллов, и лишь незначительно превышает показатели сельских муниципалитетов. Этот разрыв между объективным уровнем инфраструктурного развития и субъективным восприятием условий жизни можно объяснить эффектом повышенных ожиданий городских жителей. В этих условиях приоритетами социальной политики становятся развитие современной городской среды, расширение жилищной инфраструктуры и создание высокопроизводительных рабочих мест. В более широком смысле задача состоит в том, чтобы трансформировать агломерационный эффект из механизма концентрации ресурсов в фактор устойчивого роста качества жизни.

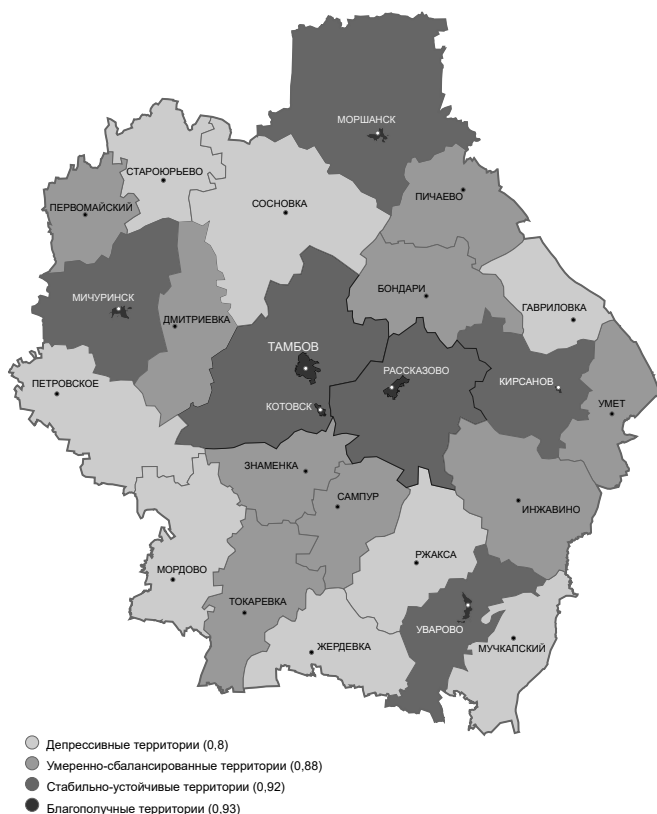

Рис. 3. Тепловая карта распределения муниципальных округов Тамбовской обл. по качеству жизни населения (источник: рассчитано автором)

Следующий кластер объединяет «стабильно-устойчивые территории» расположенные в зоне влияния городов региона. Их интегральный показатель качества жизни лишь незначительно уступает городским округам. Эти муниципалитеты формируют пригородный пояс и испытывают прямое влияние городских центров через маятниковую миграцию, рынок жилья и использование городской социальной инфраструктуры. В демографическом отношении они характеризуются умеренной естественной убылью населения при нейтральном или положительном миграционном балансе. Привлекательность таких территорий связана прежде всего с транспортной доступностью городских рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения, торговли) при более низкой стоимости жилья и земельных участков. Развитие этих территорий во многом зависит от транспортной связности с городами и доступности социальной инфраструктуры. Важно, чтобы жилищное строительство сопровождалось созданием рабочих мест объектов повседневного обслуживания. В противном случае пригородные муниципалитеты рискуют превратиться в «спальные» территории, зависимые от городских центров.

Кластер «умеренно-сбалансированных» территорий отличается более низким значением интегрального показателя качества жизни. В целом эти муниципалитеты занимают промежуточное положение: они уступают городам по уровню социально-экономического развития, но не демонстрируют критических признаков депрессивных территорий. Демографическая ситуация здесь характеризуется умеренной естественной убылью и миграционным оттоком. В возрастной структуре заметно преобладает население старше трудоспособного возраста. При этом показатели рождаемости в ряде муниципалитетов остаются относительно высокими: например, в Знаменском округе общий коэффициент рождаемости достигает 8,0%, а в Никифоровском — 7,5%, что соответствует лучшим значениям по области и указывает на потенциальные возможности для демографического воспроизводства при благоприятных социально-экономических условиях. Экономическая основа этих территорий связана прежде всего с агропромышленным комплексом. При модернизации производства и росте сельское хозяйство может стать фактором стабилизации занятости и сохранения кадрового потенциала. Выбор повседневных услуг на этих территориях остается ограниченным: немного магазинов, предприятий общественного питания и бытовых сервисов. Поэтому оценки социально-бытовой инфраструктуры остаются невысокими — 2,9–3,2 балла. Число объектов культуры и спорта также невелико. Их оценки варьируют от 2,2 до 3,5 балла — ниже городского уровня, но все же выше показателей наиболее депрессивных территорий. Из-за ограниченного числа досуговых площадок жителям сложнее организовать свободное время, особенно молодежи и семьям с детьми. Схожая ситуация наблюдается и в сфере здравоохранения: нехватка врачей ограничивает доступ

к качественной медицинской помощи. В этих условиях важную роль могут играть мобильные формы социальных и медицинских услуг, а также более удобная транспортная связь с городами. Кластер «депрессивных территорий» объединяет муниципалитеты с самыми низкими показателями качества жизни. Здесь наиболее выражены депопуляция и старение населения. Общий коэффициент смертности колеблется от 20 до 26,9%, достигая максимума в Бондарском округе. Наибольшая демографическая нагрузка наблюдается в Мордовском, Мучкапском и Петровском округах. Высокая доля пожилых жителей увеличивает потребность в медицинской и социальной помощи, однако нехватка кадров и ресурсов не позволяет обеспечить ее в полном объеме. Экономика этих территорий во многом опирается на сельское хозяйство, что ограничивает возможности занятости и уровень доходов. Отток молодежи усиливает кадровый дефицит и еще больше сужает перспективы развития. Повседневная инфраструктура развита слабо. Оценка социально-бытовых и досуговых услуг составляет в среднем 2,7 балла — жителям не хватает магазинов, предприятий общественного питания, культурных и спортивных объектов. Жилищное строительство почти не ведется, что указывает на низкую инвестиционную активность. В ответах респонденты также отмечают дефицит квалифицированных врачей и педагогов. В таких условиях поддержание доступности базовых услуг возможно через создание опорных центров социального обслуживания и развитие мобильных форм помощи — выездной медицины, дистанционного образования, программ поддержки пожилого населения. Если остановить депопуляцию не удастся, одной из стратегий становится «сжатие» инфраструктуры с концентрацией ресурсов в наиболее жизнеспособных населенных пунктах.

Сопоставление характеристик кластеров показывает выраженную пространственную поляризацию Тамбовской области. Различия проявляются практически по всем параметрам качества жизни. Наиболее заметный контраст возникает между городскими центрами и периферийными сельскими территориями: ресурсы и инфраструктура концентрируются в экономических центрах, тогда как часть сельских муниципалитетов постепенно теряет демографическую и экономическую устойчивость. Сравнительный анализ позволяет выделить несколько факторов, определяющих пространственную структуру расселения в регионе. Более высокая плотность населения связана с развитой сферой здравоохранения и доступностью повседневной инфраструктуры. Напротив, высокая демографическая нагрузка и субъективно благоприятные, но объективно ограниченные условия жизни способствуют депопуляции. Так возникает «эффект ложной резильентности»: положительные оценки жителей маскируют накопление структурных проблем территории.

Стратегия пространственного развития до 2030 г. предполагает формирование сети опорных пунктов — центров, где концентрируются рабочие

места, социальные услуги и инфраструктура для окружающих территорий. Результаты исследования показывают, что для Тамбовской области такая модель может стать одним из способов сдерживания стагнации сельских территорий. Однако пространственное неравенство в регионе во многом воспроизводится через действующие правила распределения ресурсов. Формально они направлены на выравнивание условий развития, но на практике закрепляют различия между городскими и сельскими муниципалитетами.

Наиболее заметно это проявляется в системе межбюджетного финансирования. Муниципалитеты с преобладанием сельского населения получают меньше субсидий в расчете на одного жителя, чем городские округа. Это противоречит принципам территориальной справедливости и усиливает разрыв в уровне инфраструктуры и социальных услуг. Причины такой ситуации связаны с действующими бюджетными правилами. Формула распределения трансфертов учитывает собираемость налогов, которая ниже в сельских муниципалитетах с аграрной экономикой. Подушевые нормативы финансирования не учитывают более высокие издержки предоставления услуг в условиях низкой плотности населения. Кроме того, инвестиционные ресурсы чаще направляются в крупные населенные пункты, где эффект вложений проявляется быстрее. В результате различия в ресурсах закрепляются и в кадровой структуре. Сельские муниципалитеты испытывают острый дефицит врачей и педагогов, что снижает качество социальных услуг и усиливает отток молодежи.

Реализация принципов территориальной справедливости и *place-based* подходов в Тамбовской области сталкивается с рядом институциональных барьеров. Полномочия в сфере социальной политики распределены между федеральным, региональным и муниципальным уровнями без четкой координации. В результате возникают разрывы в предоставлении услуг и снижает эффективность использования ресурсов. Дополнительную проблему создает ведомственная разобщенность. Программы в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, занятости и территориального развития реализуются различными органами власти и слабо согласованы между собой. Это приводит к дублированию одних мер и дефициту других.

Данные социологического опроса показывают статистически значимую связь между удовлетворенностью доступностью социальных услуг и оценкой работы местных властей. Жители в значительной степени связывают качество жизни с деятельностью местного самоуправления. Это создает как возможности укрепления доверия, так и риски его быстрого снижения при неэффективном управлении. Связь между восприятием справедливости и демографическими намерениями проявляется особенно отчетливо. Среди респондентов, считающих распределение ресурсов справедливым, 34% планируют и дальше жить в своем населенном пункте. Среди тех, кто оценивает распределение как несправедливое, этот показатель составляет лишь 19%. Похожая картина наблюдается

и в отношении репродуктивных планов: среди респондентов с позитивным восприятием социальной политики 28 % планируют рождение детей, тогда среди тех, кто оценивает ее негативно, — лишь 16 %. Справедливость социальной политики в восприятии населения является важным условием ее эффективности и легитимности.

Сочетание высокой удовлетворенности текущими условиями, пессимистических ожиданий будущего и ощущения беспомощности формирует специфический тип «адаптивной удовлетворенности», не связанный с реальным качеством жизни, но поддерживающий психологическую устойчивость населения. Такая ситуация способствует дальнейшей пространственной дифференциации качества жизни. Высокие субъективные оценки могут снижать внимание органов власти к накопившимся социально-экономическим проблемам на отдельных территориях. В этих условиях особое значение приобретает развитие системы объективных показателей муниципальной статистики, позволяющих оценивать жизнеспособность территорий, а также механизмы обратной связи, через которые жители могут влиять на приоритеты социальной политики.

Заключение

Проведенный анализ показал, расселение в Тамбовской области все более поляризуется: население концентрируется в областном центре и крупных городах, тогда как периферийные сельские территории продолжают терять жителей. Кластерный анализ муниципальных образований позволил выделить четыре типа территорий. К первому относятся города с наиболее высоким качеством жизни и концентрацией инфраструктуры. Второй тип образуют пригородные зоны, находящиеся в орбите городских центров и тесно связанные с ними через маятниковую миграцию и рынок жилья. Третий тип представлен аграрными муниципалитетами со сравнительно устойчивой социально-экономической ситуацией, но ограниченной инфраструктурой. Наконец, четвертый тип составляют периферийные территории с выраженной депопуляцией, старением населения и минимальным уровнем инфраструктурной обеспеченности. Различия между этими группами показывают, что единая модель социальной политики для региона оказывается малоэффективной: меры поддержки должны учитывать тип территории, ее демографическую структуру и доступность базовых услуг.

Исследование также показало, что пространственное неравенство воспроизводится не только из-за экономических различий между территориями. Его поддерживает система институциональных правил — прежде всего механизмы распределения бюджетных средств и кадровых ресурсов. Формально они универсальны для всех муниципалитетов, однако в условиях низкой плотности населения и слабой налоговой базы сельских территорий фактически усиливают разрыв между городскими и периферийными районами.

Полученные результаты позволяют уточнить ключевые направления региональной социальной политики. Прежде всего речь идет не о равномерном распределении ресурсов по территории, а о формировании сети опорных населенных пунктов, способных обеспечивать окружающие территории базовыми социальными услугами. Для таких центров важны доступность медицинской помощи, образовательных учреждений, транспорта и сервисной инфраструктуры. Вокруг них может формироваться система обслуживания сельских поселений, включая мобильные медицинские и социальные службы, дистанционные образовательные практики и транспортную поддержку для жителей малых населенных пунктов.

Серьезным ограничением остается ресурсная база территорий. Региональный бюджет не позволяет резко увеличить расходы на социальную инфраструктуру, поэтому ключевой задачей становится более точное распределение уже имеющихся средств. Это предполагает концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях, активное участие региона в федеральных программах и национальных проектах, а также поиск механизмов сотрудничества с частным сектором при развитии социальной инфраструктуры.

Отдельного внимания требует кадровый вопрос. Нехватка врачей, педагогов и специалистов социальной сферы остается одной из главных причин снижения качества жизни в сельских муниципалитетах. Без изменения условий работы и уровня оплаты труда привлечь специалистов в такие территории крайне сложно. Поэтому региональные программы поддержки должны включать не только разовые выплаты, но и долгосрочные стимулы: конкурентную заработную плату, возможность профессионального развития и поддержку жилья.

Результаты исследования также показывают, что субъективная удовлетворенность условиями жизни не всегда совпадает с объективным состоянием территорий. В ряде сельских муниципалитетов жители дают относительно высокие оценки качеству среды, однако при этом не связывают будущее своих детей с этими территориями. Такая «адаптивная удовлетворенность» может создавать иллюзию благополучия и снижать внимание к накоплению структурных проблем. Поэтому при разработке региональной политики важно сочетать данные опросов населения с объективными показателями демографической динамики, инфраструктурной обеспеченности и экономической активности.

В целом исследование показывает, что пространственное неравенство качества жизни в регионе формируется под воздействием демографических процессов, инфраструктурных различий и институциональных правил распределения ресурсов. Понимание этих механизмов позволяет точнее выстраивать региональную социальную политику. Ее задача состоит не только в смягчении текущих различий между территориями, но и в создании условий, при которых даже в условиях демографического сокращения

сохраняется доступность базовых социальных услуг и жизнеспособность ключевых населенных пунктов региона.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Авдеев Ю. А. (2025) Какая демографическая политика нужна России. *Уровень жизни населения регионов России*, 21 (1): 12–27.

Агеев А. И., Золотарева О. А. (2023) Демографическая политика в России: оценка эффективности. *Вопросы статистики*, 30 (2): 53–71.

Алтухов А. И. (2024) Развитие агломераций: вопросов больше, чем ответов. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*, (3): 5–15.

Басова Е. А. (2022) Региональное неравенство в контексте доступности социально значимых благ: компаративная оценка. *Журнал исследований социальной политики*, 20 (1): 83–98.

Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. (2003) *Перспективы развития России: роль демографического фактора*. М.: Ин-т экономики переходного периода.

Гомцян О. А., Шалин В. В. (2024) Модель социальной политики в современной России. *Теория и практика общественного развития*, (2): 16–23.

Дружинин А. Г., Кузнецова О. В. (2024) Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения. *Общественные науки и современность*, (4): 114–127.

Земсков В. В. (2024) Экономическая безопасность пространственного развития России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (2): 74–80.

Крюков В. А., Селиверстов В. Е. (2022) Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий. *Российский экономический журнал*, (5): 22–40.

Новосельцева Г. Б., Рассказова Н. В., Лапшин Д. А. (2024) Устойчивость территориальных систем в контексте социальных параметров. *Экономика и предпринимательство*, 11 (172): 411–415.

Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д., Ванькина И. Н. (2023) Влияние муниципально-территориальных преобразований в регионах России на динамику численности населения. *Народонаселение*, 26 (1): 16–28.

Синица А. Л. (2022) Демографическая и семейная политика как часть современной социальной политики: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка эффективности (Часть 1). *Уровень жизни населения регионов России*, 18 (1): 50–59.

Черемисина Н. В., Черемисина Т. Н. (2020) Анализ уровня и качества жизни населения Тамбовской области по интегральным показателям и демографическим параметрам. В кн.: *Современные стратегические аспекты развития бухгалтерского учета, аудита, статистики и налогообложения*. Тамбов: Изд. дом «Державинский»: 222–236.

Шабунова А. А., Ростовская Т. К. (2022) Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка. *Вестник Российской академии наук*, 92 (12): 1145–1156.

Широв А. А., Порфирьев Б. Н., Петриков А. В., Кузнецова О. В., Ксенофонтов М. Ю. и др. (2025) *Россия 2035: пространство развития*. Научный доклад ИНП РАН. М.: Динамик Принт.

Varca F., McCann P., Rodriguez-Pose A. (2012) The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches. *Journal of Regional Science*, 52 (1): 134–152.

Davies B. P. (1968) *Social Needs and Resources in Local Services: A Study of Variations in Provision of Social Services between Local Authority Areas*. London: Joseph Rowntree Foundation.

Dempsey N., Bramley G., Power S., Brown C. (2011) The Social Dimension of Sustainable Development: Defining Urban Social Sustainability. *Sustainable Development*, 19 (5): 289–300.

Ferrera M. (2005) The Boundaries of Welfare: European Integration and the New Spatial Social Rights. *Journal of Contemporary European Research*, 3 (1): 95–98.

Harvey D. (1973) *Social Justice, and the City*. London: Arnold.

Keating M. (2021) Rescaling Europe, Rebounding Territory: A Political Approach. *Regional & Federal Studies*, 31 (1): 31–50.

Lutz W., Goujon A., Kc S., Stonawski M., Stilianakis N. (2018) *Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 Assessment for 201 Countries*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Soja E. W. (2010) *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Vallance S., Perkins H. C., Dixon J. E. (2011) What Is Social Sustainability? A Clarification of Concepts. *Geoforum*, (42): 342–348.

SPATIAL INEQUALITY OF QUALITY OF LIFE AND REGIONAL SOCIAL POLICY

This article uses the case of the Tambov region to examine spatial inequality in quality of life under conditions of depopulation. It explores the factors shaping differences between municipalities and considers how regional social policy can address these disparities. The theoretical framework draws on the concepts of territorial justice and welfare regionalism, as well as on approaches that link territorial resilience with demographic dynamics. The empirical basis of the study combines data from a sociological survey of residents in all of the region's municipalities ($n = 2,657$) with official statistics from the Federal State Statistics Service (Rosstat). Spatial differences were analysed using multivariate statistical methods, including factor analysis and cluster analysis. Based on these analyses, four types of territory were identified: prosperous, stable, moderately balanced, and depressed. The results show that population density is primarily associated with access to basic social resources. Population density is positively correlated with the development of the healthcare system ($\beta = 0.681$) and infrastructure ($\beta = 0.261$), and negatively correlated with demographic dependency ($\beta = -0.399$) and subjective evaluations of the living environment ($\beta = -0.271$). The latter result highlights a paradox: in some rural areas relatively high satisfaction with living conditions coexists with objective deprivation. This discrepancy gives rise to the phenomenon of 'false resilience,' whereby positive assessments by residents mask the accumulation of structural problems. The analysis of the institutional environment indicates that existing mechanisms of resource allocation reinforce spatial disparities. These include differences in budget subsidy levels, shortages of qualified personnel and poor coordination between government levels. The article discusses the possibility of transitioning to a territorially differentiated model of regional social policy. This would involve developing a network of service hubs and using mobile social services, as well as adjusting the financing of social infrastructure. This model enables differences between types of territories to be accounted for and regional resilience to be strengthened under conditions of depopulation.

Keywords: spatial inequality, quality of life, depopulation, regional social policy, territorial justice

Citation: Merkulova E. (2026) Prostranstvennoe neravenstvo kachestva zhizni i regional'naya sotsial'naya politika [Spatial Inequality of Quality of Life and Regional Social Policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1):45–66.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-45-66

References

- Ageev A. I., Zolotareva O. A. (2023) Demograficheskaya politika v Rossii: otsenka effektivnosti [Demographic Policy in Russia: Efficiency Assessment]. *Voprosy statistiki* [Issues of Statistics], 30 (2): 53–71.
- Altukhov A. I. (2024) Razvitie agglomeratsiy: voprosov bol'she, chem otvetov [Agglomeration Development: More Questions Than Answers]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve* [Economy, Labour, and Management in Agriculture], (3): 5–15.
- Avdeev Yu. A. (2025) Kakaya demograficheskaya politika nuzhna Rossii [What Demographic Policy Does Russia Need]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 21 (1): 12–27.
- Barca F., McCann P., Rodriguez-Pose A. (2012) The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches. *Journal of Regional Science*, 52 (1): 134–152.
- Basova E. A. (2022) Regional'noe neravenstvo v kontekste dostupnosti sotsial'no znachimykh blag: komparativnaya otsenka [Regional Inequality in the Context of Accessibility of Socially Significant Goods: A Comparative Assessment]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 20 (1): 83–98.
- Cheremisina N. V., Cheremisina T. N. (2020) Analiz urovnya i kachestva zhizni naseleniya Tambovskoy oblasti po integral'nym pokazatelyam i demograficheskim parametram [Analysis of the Level and Quality of Life of the Population of the Tambov Region Based on Integral Indicators and Demographic Parameters]. In: *Sovremennye strategicheskie aspekty razvitiya bukhgalterskogo ucheta, audita, statistiki i nalogooblozheniya*. Tambov: Derzhavinskiy Publishing House: 222–236.
- Davies B. P. (1968) *Social Needs and Resources in Local Services: A Study of Variations in Provision of Social Services between Local Authority Areas*. London: Joseph Rowntree Foundation.
- Dempsey N., Bramley G., Power S., Brown C. (2011) The Social Dimension of Sustainable Development: Defining Urban Social Sustainability. *Sustainable Development*, 19 (5): 289–300.
- Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. (2024) Problema 'szhatiya' rossiyskogo osvoennogo prostranstva i puti yeyo resheniya [The Problem of 'Compression' of Russian Developed Space and Ways to Solve It]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], (4): 114–127.
- Ferrera M. (2005) The Boundaries of Welfare: European Integration and the New Spatial Social Rights. *Journal of Contemporary European Research*, 3 (1): 95–98.
- Gomtsyan O. A., Shalin V. V. (2024) Model' sotsial'noy politiki v sovremennoy Rossii [Social Policy Model in Modern Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (2): 16–23.
- Harvey D. (1973) *Social Justice, and the City*. London: Arnold.
- Keating M. (2021) Rescaling Europe, Rebounding Territory: A Political Approach. *Regional & Federal Studies*, 31 (1): 31–50.

- Kryukov V. A., Seliverstov V. E. (2022) Strategicheskoe planirovanie prostrannogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuziy [Strategic Planning of Spatial Development of Russia and Its Macroregions: in the Grip of Old Illusions]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], (5): 22–40.
- Lutz W., Goujon A., Kc S., Stonawski M., Stilianakis N. (2018) *Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 Assessment for 201 Countries*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Novosel'tseva G.B., Rasskazova N. V., Lapshin D. A. (2024) Ustoychivost' territorial'nykh sistem v kontekste sotsial'nykh parametrov [Sustainability of Territorial Systems in the Context of Social Parameters]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 11 (172): 411–415.
- Shabunova A. A., Rostovskaya T. K. (2022) Demograficheskaya politika v sovremennoy Rossii: vzglyad naseleniya i ekspertnaya otsenka [Demographic Policy in Modern Russia: Public View and Expert Assessment]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 92 (12): 1145–1156.
- Shirov A. A. Porfir'ev B.N., Petrikov A. V., Kuznetsova O. V., Ksenofontov M. Yu. et al. (2025) *Rossiya 2035: prostranstvo razvitiya* [Russia 2035: Development Space]. Scientific Report. Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. Moscow: Dynamic Print.
- Simagin Yu.A., Murtuzaliev D. D., Van'kina I.N. (2023) Vliyaniye munitsipal'no-territorial'nykh preobrazovaniy v regionakh Rossii na dinamiku chislennosti naseleniya [Impact of Municipal-Territorial Transformations in Russian Regions on Population Dynamics]. *Narodonaselenie* [Population], 26 (1): 16–28.
- Sinitsa A. L. (2022) Demograficheskaya i semeynaya politika kak chast' sovremennoy sotsial'noy politiki: teoreticheskie podkhody, tseli, mekhanizmy realizatsii i otsenka effektivnosti (Chast' 1) [Demographic and Family Policy as Part of Modern Social Policy: Theoretical Approaches, Goals, Implementation Mechanisms and Efficiency Assessment (Part 1)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18 (1): 50–59.
- Soja E. W. (2010) *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Vallance S., Perkins H. C., Dixon J. E. (2011) What Is Social Sustainability? A Clarification of Concepts. *Geoforum*, (42): 342–348.
- Vishnevsky A. G., Andreev E. M., Treivish A. I. (2003) *Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora* [Prospects for Russia's Development: The Role of Demographic Factor]. Moscow: Institute for the Economy of Transition Period.
- Zemskov V. V. (2024) Ekonomicheskaya bezopasnost' prostranstvennogo razvitiya Rossii [Economic Security of Russia's Spatial Development]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientific Notes], (2): 74–80.